

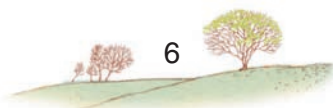

Экипаж тряхнуло еще раз, и Мария Мерривезер, мисс Гелиотроп и Виггинс снова попадали друг другу в объятия, вдохнули, выдохнули, выпрямились и опять сосредоточились на том, в чем каждый из них пытался в тот момент обрести источник мужества и силы.

Мария принялась разглядывать свои башмачки. Мисс Гелиотроп утвердила очки там, где им полагалось находиться, подобрала с пола потертый коричневый томик французских эссе, сунула в рот мятную пастилку и снова уставилась в тусклом вечернем свете на мелькающие черные буквы на пожелтевших страницах. Между тем Виггинс облизывал язычком усы, в которых еще таился вкус давно переваренного обеда.

Человечество можно грубо разделить на три типа: тех, кто находит утешение в литературе, тех, кто находит утешение в украшении самих себя, и тех, кто находит утешение в еде; мисс Гелиотроп, Мария и Виггинс были типичными представителями каждого из этих типов.

Марию следует описывать первой, потому что именно она героиня этой истории. В лето Господне 1842 ей было тринадцать лет. Не слишком красивая девочка со странными серебристо-серыми смущающими собеседника проникновенными глазами, прямыми рыжеватыми волосами

и тоненьким, бледным личиком, покрытым веснушками, приводящими ее в отчаянье. Несмотря на миниатюрность, свойственную скорее феям, она держалась с достоинством и никогда не сутулилась, а своими исключительно крошечными ножками просто-таки гордилась. Она знала, что ножки — ее главное достоинство, и потому, когда только возможно, проявляла куда больший интерес к башмачкам, чем к перчаткам, платьям или шляпкам.

Башмачки, надетые сегодня, были рассчитаны на то, чтобы выводить из самого глубокого уныния. Они были сшиты из мягчайшей серой кожи, отделаны по верху хрустальными бусинками и украшены белоснежной овечьей шерстью. В настоящий момент хрустальные бусинки разглядеть было нельзя, потому что серое шелковое платье и теплая серая шерстяная пелерина, также отделанная белой овечьей шерстью, доходили до самых лодыжек, но она-то знала, что бусинки на месте, и мысль об этом придавала ей силы, что едва ли можно переоценить в столь тяжелых обстоятельствах.

Мысль о бусинках утешала, как в несколько меньшей степени и мысль о фиолетовом пояске, которым была перевязана стройная талия под пелеринкой, маленьком букетике фиалок, так глубоко заткнутом за ленту серой бархатной шляпки, что он был почти не виден, и серых шелковых перчатках, украшающих маленькие ручки, прячущиеся внутри большой белой муфты. Мария была истинной аристократкой: совершенство того, что не на виду, оказывалось для

нее важнее того, что было выставлено напоказ. Не то чтобы она не любила выставлять себя напоказ. Нет-нет, конечно, любила. Даже одетая в серо-фиолетовый траурный наряд, девочка смотрелась весьма эффектно.

Мария осталась круглой сиротой. Мать умерла, когда дочка была еще малюткой, отец — два месяца тому назад. Все имущество, включая прекрасный лондонский дом с красивым окном над дверью и высокими стрельчатыми окнами, выходящими в спокойный лондонский Сквер, где Мария прожила всю свою короткую жизнь, было продано в уплату за долги. Когда адвокаты, к своему удовлетворению, закончили все дела, они обнаружили, что денег осталось ровно столько, чтобы отправить наследницу, мисс Гелиотроп и Виггинса в почтовом дилижансе на запад Англии, где они никогда не были, на попечение ближайшего родственника Марии, которого девочка никогда раньше не видела, — ее двоюродного дяди, сэра Бенджамина Мерривезера, жившего в поместье под названием Лунная Долина в деревне Сильвердью.

Но не от своего сиротства так грустила Мария, и не оно заставляло ее искать утешения в созерцании своих башмачков. Матери она не помнила, отец, солдат, почти всегда служил за границей и не часто вспоминал о дочери, и потому она не слишком его любила; не то что мисс Гелиотроп, которая была при ней с первых месяцев ее жизни, сначала няней, потом гувернанткой, изливая на воспитанницу всю свою любовь. Нет, причиной грусти было ужас-

ное путешествие и перспектива деревенской жизни безо всяких удобств.

Мария ничего не знала о жизни в деревне. По рождению и по воспитанию она была истинная лондонская леди, любила роскошь и всегда жила в прекрасном лондонском доме, выходящем окнами на лондонский Сквер. Но со смертью отца все перевернулось, они всего лишились, потому что денег, чтобы платить за дом, больше не было.

А что теперь? Судя по экипажу, в Лунной Долине не слишком много удобств. Какая ужасная колымага! Она ждала их в Эксетере и оказалась еще неудобней, чем почтовая карета, в которой они ехали из Лондона. Обивка сидений жесткая, поеденная молью, пол усеян куриными перьями и соломой, взлетающими вверх от потоков ледяного воздуха, врывающегося через плохо пригнанные дверцы. Две пегие лошади, несмотря на начищенную сбрую и ухоженный вид — Мария сразу это заметила, потому что сама обожала лошадей, — старые, растолстевшие и медлительные.

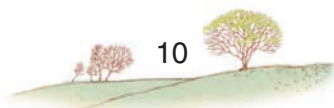
Кучер был умный на вид маленький человечек, больше похожий на гнома, чем на человеческое существо, одетый в плащ с пелериной со столькими заплатками, что первоначальный цвет уже не угадывался, и в потертую фетровую шляпу с закрученными полями. Шляпа была ему настолько велика, что спадала на лоб и останавливалась только на переносице, так что из всего его лица виднелась только

широкая беззубая улыбка и седая щетина на плохо выбритом подбородке. Но настроен он был по-дружески и все время болтал, пока подсаживал их в экипаж и укрывал им колени разодранной старой попоной, но из-за отсутствия у него зубов они почти ничего не понимали. Сейчас, в густом февральском тумане, скрывавшем все вокруг, они с трудом видели его через маленькое окошко в передней части экипажа. Разглядеть местность, по которой проезжал экипаж, было невозможно. Пассажиры чувствовали, что дорога полна рытвин и ухабов, потому что их мотало из стороны в сторону, бросало вверх и вниз, словно они воланы, а экипаж — ракетка. Скоро стемнело, новомодных газовых фонарей, которые в те дни освещали лондонские улицы, поблизости не было, глубокая тьма окутала все вокруг. Становилось все холоднее, и им казалось, что они путешествуют уже целую вечность, а никаких знаков приближающегося жилья не показывалось.

Мисс Гелиотроп подняла повыше книгу эссе и уткнулась в нее носом, решив, что дочитает одно, посвященное выносливости, до темноты. Она не сомневалась, что в ближайшие месяцы ей не раз придется его перечитывать, вместе с другим эссе о любви, которая никогда не исчезает. Она помнила, что первый раз прочла это эссе в тот вечер, когда приступила к заботам об осиротевшей малютке Марии и поняла, что ей придется ухаживать за самым малопривлекательным образчиком младенца женского пола из всех, с которыми ей приходилось встречаться раньше; со стран-

ными серебристыми глазами, твердо, с самого детства знавшими о своей Голубой Крови, и оттого много о себе понимавшими. Тем не менее, прочитав то эссе, она твердо решила, что должна любить Марию и никогда не лишать этого ребенка любви, покуда смерть не разлучит их обеих.

Сначала любовь мисс Гелиотроп к Марии требовала от воспитательницы невероятных усилий. Она шила и чинила одежду девочки с угрюмой необходимостью и с еще более расстраивающим ее отсутствием истинного чувства, но в ответ на капризы применяла телесные наказания очень умеренно, достигнув таким образом бóльших успехов в привязанности к ней ребенка, чем в спасении бессмертной души воспитанницы. Но постепенно все изменилось. Теперь, когда Мария была чем-то огорчена, мисс Гелиотроп проявляла к ней все большую и большую нежность, одежда девочки, которую она с необыкновенным пылом мастерила, оказывалась произведением искусства в каждой маленькой детали; и поскольку ее саму всю жизнь наказывали за все маленькие грешки, мисс Гелиотроп теперь не заботило, любит ли ее Мария или нет, ее единственной задачей было превратить непослушного ребенка в прекрасную и благородную даму.

То была истинная любовь, и Мария об этом знала, и даже когда та часть, что сзади, болела так, что нельзя было даже сесть, ее чувства к мисс Гелиотроп несколько не ослабевали. К тому же теперь она уже не ребенок, а юная леди тринадцати лет, и это лучше всего.

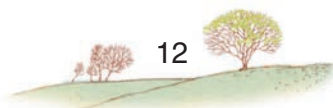

С младенческих лет Мария умела распознавать истинное качество. Она всегда хотела самого лучшего и быстро его узнавала, даже когда, как в случае с мисс Гелиотроп, наружный вид шкатулки не обещал обилия золота внутри. Может быть, только она одна разглядела истинную замечательную сущность мисс Гелиотроп, и, без сомнения, именно потому гувернантка вспылала к ней такими пылкими чувствами.

Наружный, так сказать, вид шкатулки и впрямь был странноват, и это только доказывало, как глубоко умели проникать серебристые глаза Марии, если она так быстро разобралась, что к чему. Большинство людей, сталкиваясь с носом в пол-лица и манерой одеваться мисс Гелиотроп, на этом останавливались и дальше не шли. Нос у мисс Гелиотроп загибался наподобие орлиного клюва и был того невообразимо красноватого цвета, который у большинства людей рождает немедленные подозрения. Они-то думали, что она ест и пьет слишком много, и потому у нее такой красный нос, но на самом деле мисс Гелиотроп почти ничего не могла есть, поскольку страдала ужасным несварением желудка.

Именно оно, а отнюдь не излишества, так разукрасило ей нос. Она никогда не жаловалась на свое несварение, она просто его терпела, и из-за того, что она никогда не жаловалась, никто, кроме Марии, так и не понял, в чем тут дело. Но даже Марии она никогда не упоминала о своем несварении, ибо еще от матери усвоила, что истинная

леди никогда и никому ничего не говорит о себе. Но страсть мисс Гелиотроп к мяте в конце концов позволила Марии докопаться до сути вещей.

Нос, приносивший мисс Гелиотроп одно расстройство, занимал столько места на ее тощем бледном лице, что невозможно было разглядеть прелестные незабудковые глаза и нежные дуги красивых темных бровей. Редкие седые волосы гувернантка скручивала в тугое кольцо вокруг головы. Эта прическа шла ей, когда она впервые так причесалась в шестнадцать лет, но в шестьдесят уже не слишком ее красила.

Мисс Гелиотроп была высокой, тощей и сутулой, но ее худоба не замечалась, потому что одевалась она в старомодное платье с кринолином из фиолетового бомбазина и зимой и летом куталась в черную шаль, которую так затягивала на груди, что казалась даже пухлой. На улицу она всегда выходила с большим черным зонтом, надевая объемистое потрепанное черное пальто и громадную черную шляпу с фиолетовым перышком, а дома носила белоснежный чепец, отделанный черной бархатной тесьмой. Она всегда была в черных шелковых перчатках и держала при себе черный ридикюль, в котором прятались белый, без единого пятнышка, носовой платок, надушенный лавандой, очки и коробка с мятными пастилками. На шее у нее был золотой медальон размером с гусиное яйцо, а что в нем, Мария не знала, потому что когда она спросила мисс Гелиотроп, что внутри медальона, та ей не ответила. Мисс

Гелиотроп редко что запрещала своей возлюбленной Марии, если то, чего девочке хотелось, не грозило погубить ее бессмертную душу, но открывать медальон категорически отказалась. Это, как она сказала, касается только ее самой. Марии так и не представилась возможность заглянуть туда украдкой, потому что мисс Гелиотроп никогда не расставалась с медальоном и даже ночью клала его под подушку. Да Мария и не собиралась заглядывать туда тайком, не такая она была девочка. Несмотря на некоторую суетность и излишнее любопытство, Мария обладала такими качествами, как гордость, смелость и утонченность, а мисс Гелиотроп была полна любви и терпения.

Трудно описать добродетели Виггинса... Вернее, невозможно, потому что у него их не было и в помине. Виггинс был жаден, самонадеян, вспыльчив, эгоистичен и ленив. Мария и мисс Гелиотроп считали, что он любит их беспредельно, потому что он всегда жался к их ногам, вежливо вилял хвостом, когда с ним заговаривали, и даже иногда лизал руки и лицо. Но все это было не от любви, а оттого, что он знал — так будет лучше. Он сознавал, что все, что делает его жизнь приятной, исходит от мисс Гелиотроп и Марии: еда, всегда отличного качества, своевременно появляющаяся в зеленой миске, к которой он был так привязан, зеленый же кожаный ошейник, щетка и расческа, приятно пахнущее мыло. Другие хозяйки, как он понял из бесед с собаками, которых встречал в парке, не всегда ставили удобство своих домашних животных на первое место. Но не его... Поэтому Виг-

гинс смолоду сообразил, что надо снискать расположение Марии и мисс Гелиотроп и оставаться с ними до тех пор, пока о нем будут заботиться.

Но, несмотря на то, что нравственные качества Виггинса оставляли желать лучшего, не надо думать, что он был бесполезным членом общества, ибо красота приносит радость всем, а красота Виггинса такова, что описать ее можно только громоподобным трубным звуком слова «несравненный». Он был чистопородным кинг-чарльз-спаниелем. Шерстка по всему телу густого кремового цвета, гладкая и блестящая, и только на груди необычайный каскад мягких завитков, напоминающих жабо на рубашке джентльмена. В то время не было модно обрубать спаниелям хвосты, и хвост Виггинса напоминал перья страуса. Он им очень гордился, и в ветреную погоду хвост всегда развевался, как флаг, а когда солнце просвечивало сквозь чудную шерстку, она так сияла, что нельзя было отвести глаз.

Только длинные шелковистые уши Виггинса и пятна над глазами были не кремовыми, а приятнейшего каштанового цвета. Карие глаза с подернутой влагой нежностью завоевывали все сердца; обладатели этих сердец и не подозревали, что вся эта нежность направлена не на них, а на владельца прекрасных глаз. Лапы покрыты длинной шерстью, как у геральдических зверей. Нос длинный и аристократический, а дивные золотистые усы помогают держать ситуацию под контролем. Нос черный,

блестящий и холодный, а прелестный розовый язычок всегда приятно влажен. Виггинс был не из тех нервных собак, которые позволяют себе дрожащие усы, горячий нос и слюнявый язык.

Виггинс знал, что чрезмерные эмоции опасны для красоты, и никогда не позволял себе волноваться. Ну, может быть, немножко при виде еды. Хорошая еда вызывала в нем бурные чувства, и так силен был в нем восторг, так глубока благодарность тем добрым феям, которые от рождения наделили его хорошим пищеварением, что, сколько бы он ни объедался, это никак не отражалось на исключительной, великолепной фигуре. Обед, который он съел в гостинице в Эксетере, действительно оказался прекрасен: отбивная, зелень и жареный картофель, конечно, были приготовлены для мисс Гелиотроп, но она не смогла с ними справиться. Розовый язычок задумчиво вылизывал золотистые усики. Если еда на Западе будет столь же хороша, что в Эксетере, думал он, можно спокойно и терпеливо перенести и холодный туман, и тряский экипаж.

Наступила полная тьма, странный старый кучер слез с козел, ухмыльнулся и зажег два старинных фонаря, висевших с обеих сторон колымаги. Но они давали не слишком много света, и в окна экипажа можно было разглядеть только колышущийся туман и круто обрывающиеся холмы, покрытые мокрым папоротником. Папоротники с обеих сторон подступали прямо к экипажу, дорога становилась все уже и уже, все ухабистей и ухабистей, все

круче и круче, так что они то с трудом карабкались вверх, то с риском для жизни скользили вниз по какому-то ужасно крутому утесу.

В темноте мисс Гелиотроп не могла больше читать, а Марии уже не удавалось разглядывать башмачки. Но они не ворчали, потому что Истинные Леди никогда не ворчат. Мария засунула руки в муфту, а мисс Гелиотроп спрятала свои под пальто, обе сжали зубы и терпели.

2

Все трое, наверно, из-за холода, впали в забытьё и какую-то странную усталость и поэтому страшно удивились, когда вдруг обнаружили, что экипаж остановился. Должно быть, между тем, как они потеряли счет времени, и тем, когда очнулись, прошло много часов, потому что вокруг все изменилось. Исчез туман и взошла луна, так что теперь они могли совершенно отчетливо разглядеть друг друга.

Грусть куда-то пропала, сердца бились быстрее в предвкушении приключения. Мисс Гелиотроп и Мария, взволнованные, как малые дети, спустили каждая со своей стороны стекла экипажа и высунулись в окна, а Виггинс покрепче прижался к Марии, как будто тоже мог высунуться в окошко.

Покрытые папоротником холмы с обеих сторон дороги исчезли, их место заняли подступающие прямо к окнам

экипажа стены, сложенные из красивого грубого серебристо-серого камня, и вдруг прямо перед ними, совершенно закрывая дорогу, оказалась такая же каменная стена.

— Может быть, мы сбились с пути? — спросила мисс Гелиотроп.

— Тут в камне ворота! — закричала Мария, которая высунулась в свое окно так далеко, что чуть не свалилась в узкую щель между стеной и экипажем. — Смотрите!

Мисс Гелиотроп изогнулась под невероятным углом и увидела, что Мария совершенно права. В каменной стене виднелись ворота мореного дуба, от старости одного цвета с камнем, и потому их трудно было отличить от стены. Они были большие и достаточно широкие, чтобы пропустить экипаж. Рядом с ними из отверстия в стене свисала ржавая цепь.

— Кучер слез! — выпалила Мария, и ее глаза засветились от волнения, когда она увидела, что похожий на гнома маленький человечек подскочил к ржавой цепи, ухватился за нее, поджал обе ноги и закачался на ней, как обезьяна на ветке. В результате где-то за стеной раздалось низкое глухое звяканье. Прозвонив так три раза, кучер спрыгнул на землю, ухмыльнулся Марии и опять взобрался на козлы.

Медленно отворились огромные ворота. Кучер хлестнул старых пегих лошадок, мисс Гелиотроп и Мария снова уселись на свои места, и экипаж покатил вперед, ворота за ними закрылись так же бесшумно, как и открылись, отрезав лун-

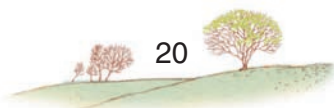

ный свет и оставив их в темноте, с одним только мигающим фонарем, в свете которого видны были покрытые мокрым мхом стены подземного туннеля. Марии казалось, что фонарь осветил какую-то неясную фигуру, но она не была в этом уверена, потому что раньше, чем она смогла все как следует рассмотреть, экипаж уже проехал вперед.

— Ой-ой-ой, — сказала мисс Гелиотроп, радости в ней поуменьшилось, потому что воздух тут был влажным и холодным, туннель казался бесконечным, а эхо от стука колес напоминало гром. Но раньше, чем они снова испугались, экипаж уже выехал на лунный свет и оказался в таком красивом месте, что трудно себе представить, что такое еще бывает на нашей земле.

Все сияло серебром. По обеим сторонам от дороги поднимались стволы высоких деревьев, а трава так серебрилась в лунном свете, что напоминала сверкающую воду. Деревья были посажены нечасто, и между ними открывались очаровательные полянки, над которыми в эбонитово-черном небе виднелись серебристые звезды. Все замерло. Царил покой, полный переливчатого лунного сияния. Серебристый узор крон над стволами был таким нежным, что лунный свет проходил сквозь него, словно поток серебристой пыли.

Однако среди деревьев была жизнь, хотя эти живые существа не двигались. Мария заметила, что на серебристой ветке сидит серебристая сова, а у дороги, поблескивающей в свете фонаря, устроился на задних лапках се-

ребристый кролик, а рядом с ним очаровательная группка серебристых оленей. И на какое-то мгновение в дальнем конце прогалины она увидела маленькую белую лошадку с развевающейся гривой и хвостом, с поднятой головой, застывшую в середине прыжка, как будто она заметила девочку и обрадовалась ей.

— Посмотрите! — закричала она мисс Гелиотроп. Но когда та обернулась, все уже пропало.

Они катили еще какое-то время по толстому ковру мха, заглушавшему стук колес, пока наконец не проехали под аркой в старой серой стене, на этот раз сложенной не из грубых глыб, а из тщательно обработанных камней. Стена была увенчана башенками. Мария встретила эти башенки с восторгом, но тут они очутились уже за стеной, и замечательный парк уступил место аккуратному саду с цветочными клумбами и мощеными дорожками, окружающими прудик с лилиями, кустами, подстриженными так, что получались фантастические очертания петухов и рыцарей на конях.

Сад, как и парк, казался в лунном свете серебристо-черным, и Мария слегка дрожала от страха, пока они катили по нему, потому что ей показалось, что черные рыцари и черные петухи повернули головы и холодно смотрят на нее. Виггинс, хоть и сидел на полу и не мог видеть черных теней, тоже, похоже, почувствовал себя неуютно и заворчал. И мисс Гелиотроп, наверно, стало не слишком весело, потому что она спросила странным тоном:

— А скоро мы доберемся до дома?

— Мы уже у дома, — обрадовала ее Мария. — Смотрите, вот свет!

— Где? — спросила мисс Гелиотроп.

— Вот, — ответила Мария. — В вышине, прямо за этим деревом.

И она указала туда, где желтый огонек света весело подмигивал им сквозь верхние ветви огромного черного кедра, горой возвышавшегося прямо перед ними. Какая-то чудесная радость поднималась в душе от этого желтого света, который покоился, как драгоценный камень на черно-серебристом бархатном фоне. Это было что-то земное среди всей этой неземной красоты, и оно приглашало ее войти, было ей радо, несмотря на то, что холодные черные тени не желали ее приезда.

— Да он прямо где-то в небе! — выпалила мисс Гелиотроп в изумлении, но тут экипаж сделал широкий круг вокруг кедра, и они поняли, почему свет сияет так высоко. Этот дом ничем не напоминал то современное жилище, к которому они привыкли, это был странный дом, больше походивший на замок, а не на дом, и свет лился из окна на вершине высокой башни.

Мисс Гелиотроп тревожно вскрикнула (но быстро затихла, потому что только дурно воспитанный человек кричит, сталкиваясь с пугающей перспективой), подумав о мышах и пауках, которые приводили ее в ужас, но Мария вскрикнула от восторга. Она будет жить в доме с башней, как принцесса в волшебной сказке!

До чего же это был роскошный дом! Он возвышался перед ними, серые стены противостояли саду, полному теней, излучая какую-то вечную силу, ободряющую, словно свет в окне башни. Хотя она никогда раньше не видела этого места, ей показалось, что она вернулась домой. Здесь жили многие поколения Мерривезеров, и она тоже была Мерривезер. Ей стало стыдно за свои дорожные опасения. Ее дом был здесь, а не там, в Лондоне. Лучше жить здешней простой жизнью, чем в самом роскошном дворце мира.

Она выскочила из экипажа раньше, чем он остановился, взбежала по каменным ступеням, которые одним боком упирались в стену и вели к большой дубовой двери, застучала в нее со всей силой, на которую только были способны ее кулачки. Конечно, ни ее легкие ножки, ни маленькие кулачки не произвели много шума, но кто-то внутри уже услышал стук колес, потому что огромная дверь немедленно отворилась, и показался самый необычный немолодой джентльмен, которого когда-нибудь доводилось видеть Марии. Он стоял на пороге с высоко поднятым фонарем.

— Добро пожаловать, племянница, — сказал он низким, глубоким, мелодичным голосом и протянул ей свободную руку.

— Благодарю вас, сэра, — ответила она, присела в реверансе, вложила в его руку свою и поняла, что должна полюбить его с этого мгновенья и навсегда.

Ее дядюшка был несколько странноват на вид, и, когда она начала разглядывать его, ей было очень трудно

остановиться. Страшно высокий и ужасно широкий в плечах, он, казалось, заполнял собой весь огромный дверной проем. Лицо круглое, красноватое, чисто выбритое, и большой крючковатый нос чем-то напоминает нос мисс Гелиотроп. У него имелись три двойных подбородка, маленький улыбающийся рот и моргающие, теплые, красноватые карие глазки, наполовину скрытые под нависающими, кустистыми, седыми бровями. Его одежда, о которой явно очень тщательно заботились, была старомодной и крайне странно подобранной.

На голове огромный седой парик, напоминающий кочан цветной капусты, а двойные подбородки утопают в старомодном шейном платке. Жилет шелковый, бледно-голубой с желтыми розами и малиновыми гвоздиками, и такой красивый, что странно не сочетается с потертой и заплатанной курткой для верховой езды, бриджами и забрызганными грязью высокими ботинками. Дядюшка был слегка кривоног, как человек, большую часть своей жизни проводящий в седле. Руки большие и красноватые, как и лицо, с ладонями твердыми, наподобие дубленой кожи, привыкшими сжимать конскую упряжь, но на запястья падают прекрасные кружева, а на одном из пальцев сверкает, как огонь, кольцо с огромным рубином.

Казалось, все в сэре Бенджамине Мерривезере распространяло вокруг себя тепло, его круглое красное лицо, голос, красноватые глазки и кольцо с рубином. Взяв Марию за руку, он внимательно посмотрел на нее, как будто сам себе задавал вопрос о том, что она такое. Она вздрог-

нула под его пристальным взглядом, словно испугалась, что в ней не найдется того, чего он ищет, однако твердо поглядела ему в лицо и даже не смигнула.

— Настоящая Мерривезер, — сказал он наконец низким грохочущим голосом. — Из серебристых Мерривезеров, прямая, надменная, разборчивая, отважная и горделивая, рожденная в полнолуние. Мы друг другу понравимся, дорогая, потому что я рожден в полдень, а лунные и солнечные Мерривезеры всегда по душе друг другу.

Он внезапно прервал сам себя, вдруг осознав присутствие мисс Гелиотроп и Виггинса, которые за это время выбрались из экипажа, поднялись по ступенькам и встали позади Марии.

— Дорогая мадам! — обратился он к мисс Гелиотроп, окинув ее долгим внимательным взглядом. — Дорогая мадам, разрешите! — он низко поклонился, взял ее под руку и церемонно перевел через порог. — Добро пожаловать, мадам! Добро пожаловать в мой бедный, убогий дом.

Его слова поражали своей искренностью. Он действительно думал, что его жилище слишком убого для того, чтобы служить домом мисс Гелиотроп.

— Дорогой сэр! — воскликнула мисс Гелиотроп, треща от волнения, потому что джентльмены редко удостаивали вниманием ее непривлекательную особу. — Дорогой сэр, вы слишком добры!

Мария, подняв Виггинса, который недовольно ворчал, потому что никто не обращал на него достаточного